

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ФОЛЬКЛОРУ
ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ФОЛЬКЛОР

ПОЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

838613

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

ИЗ РАЗРАБОТОК Б. М. СОКОЛОВА ПО ТЕОРИИ И ПОЭТИКЕ ФОЛЬКЛОРА

(Публикация В. М. Гацака)

Научное наследие видного советского фольклориста, литературоведа и этнографа Бориса Матвеевича Соколова (1889—1930) не сводится к его опубликованным трудам. В архиве Б. М. и Ю. М. Соколовых — крупнейшем фольклористическом документари послеоctябрьского периода, без материалов которого невозможно сколько-нибудь полно представить становление советской многонациональной науки о народном поэтическом творчестве, — сохранились, в частности, многочисленные разработки, тексты докладов и выступлений Бориса Матвеевича по вопросам истории, теории и поэтики фольклора. Конечно, далеко не все в них для нас ново и приемлемо как в чисто фактическом, так и в методологическом отношении. Вместе с тем, по ряду важных вопросов, обсуждаемых и в современной советской фольклористике, в этих работах содержатся проницательные и глубокие суждения, отнюдь не утратившие своего значения. Это относится и к публикуемым материалам из архива профессора Б. М. Соколова.

Первый из них — «Ближайшие задачи изучения русских былин» — датирован 27 октября 1918 г. и представляет собой текст научного доклада и одновременно — лекции, читанной в Московском и Саратовском университетах¹ (для университетских чтений текст сокращался).

¹ На первой (литмузеевской) архивной обложке одной из частей текста имеется надпись: «Пробная лекция, читанная в Московском университете, и доклад в Общ(естве) истории и древност(ей) российских» (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 2994). В рукописи название работы предварено датой — 27 октября 1918 г., а подзаголовок гласит: «Пробная лекция, читанная 31 окт(ября) 1918 г. в Московском университете».

Машинописная копия текста содержит несколько слов поместок и добавлений. Из них явствует, в частности, что лекция читалась и в Саратовском университете (добавления касаются организации собирания фольклора в Саратовском крае). Последняя из поправок (старое заглавие зачеркнуто и заменено новым: «Вместо введения») показывает, что Б. М. Соколов намеревался опубликовать свое сочинение (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3229, л. 1). Об этом же свидетельствует поправка в самом тексте: «В 1-й части предлагаемой книги» (там же, л. 19).

Доклад-лекция Б. М. Соколова — одно из первых фольклористических выступлений советского времени. Привлекает внимание обоснованная постановка практических задач: дальнейшего собирания былин и разыскания ранних записей, переиздания классических сборников, составления указателей и предметных словарей (эти задачи и ныне остаются в силе).

Весьма существенны суждения о важности разработки методологии изучения эпоса, о необходимости исследовать «законы песенного творчества», «былинную поэтику».

Совершенно оправданно и в высшей мере сохраняет свою актуальность предложение не ограничивать сравнительное исследование эпоса сличением сюжетов, а осуществлять его и применительно к поэтике.

С глубокой убежденностью говорит автор о поэтической и исторической ценности былин, о значении эпического наследия для «постижения основ народной жизни». И вполне закономерно, что главная задача, по мнению Б. М. Соколова, — «прикрепить русский эпос к его родной почве», показать его связь с исторической действительностью и социальным бытом. Конечно, в толковании принципов «прикрепления» (сам этот термин симптоматичен своей «экстерриториальностью» по отношению к былине как идейно-художественному целому) нетрудно уловить постулаты исторической школы — и в тезисе о «некрестьянском происхождении былин», и в ограничении критериев хронологизации эпоса именами, реалиями, историко-бытовыми чертами (в силу признания за подобными приметами принципиальной изначальности «неконкретные» историко-поэтические свойства былин предстают как вторичные в их развитии, не определяющие периодизацию).

Но нельзя не заметить весьма значительных особенностей, присущих позиции Б. М. Соколова.

Альтернативой крестьянскому происхождению былин не предстает аристократическая теория. Напротив, она оттесняется или, по крайней мере, заметно ограничивается и амортизируется перечислением предполагаемых участников создания былевой поэзии: дружинных певцов, скоморохов, калек переходящих (мы сейчас отвлекаемся от вопроса о том, в какой мере оправдан сам перечень).

Это тем более важно, что опровержение аристократической теории и доказательство создания эпоса народом, ставшее со временем основополагающим для советской фольклористики, не равнозначно выведению за пределы науки дифференцированного осещения народной среды, в которой складывались былины. (Показательная конкретизация — отнесение «простых дружинни-

ков» к «той исторической среде, которая породила былины»².) Другое дело, что социологическое изучение «оказалось первоначально ограниченным и схематичным»³; применительно к былинам это проявится в рассмотрении их в качестве конгломерата классовых слоев⁴ и в прямолинейной социальной паспортизации за счет отождествления «среды изображающей и среды изображаемой»⁵.

В изложении Б. М. Соколова вопрос о создателях былин предстает открытым для дальнейшего исследования; существующие точки зрения (в том числе и свою собственную) автор признает гипотетическими, поскольку они не нашли еще «точного научного оправдания».

В работе сторонника исторической школы, каким был Б. М. Соколов, примечательны взыскательные суждения по поводу неубедительных исторических толкований былинного материала. Он выступает за «крайнюю осторожность» при соотнесении былинных и летописных имен, предупреждает о соблазне подбирать факты под «априорную схему», считает методически важным рассматривать имена «в связи с другими историко-бытовыми чертами». Разноречия и ошибки Соколов объясняет «неустановленностью метода» изучения былин, недостаточностью приемов и критериев исторической интерпретации; он подчеркивает, что необходимо придать им научно-объективный и точный характер. Критическое отношение к практике исторического изучения сближает Б. М. Соколова с таким его предшественником, как А. В. Марков⁶. Но еще важнее, что своим содержанием и даже формулировками критические суждения Б. М. Соколова значительно опередили, а может быть, и подготовили негативные оценки, которые будут даны позднее — например, в книге А. П. Скафтымова. Обращение к неопубликованной, но довольно известной в свое время (благодаря неоднократным чтениям, в том числе — в Саратовском университете) работе Б. М. Соколова восстанавливает существенное звено в развитии научной мысли.

² *Окладников А.* Энциклопедия древнерусской культуры.— «Правда», 14 марта 1976.

³ *Гусев В. Е.* В. И. Ленин о народном творчестве и социологическое изучение фольклора.— «Наследие Ленина и наука о литературе». Л., 1969, с. 314.

⁴ См. *Соколов Б. М.* Русский фольклор, вып. 1. М., 1929, с. 35—38; *он же.* Былины.— «Литературная энциклопедия», т. II. М., 1930, стлб. 5—9, 15—23.

⁵ *Чичеров В. И.* Русское народное творчество. М., 1959, с. 118—119.

⁶ См., в частности: *Марков А. В.* Обзор трудов В. Ф. Миллера по народной словесности.— «Известия ОРЯС РАН». Пг., 1914, т. 19, кн. 2; 1915, т. 20, кн. 1; 1916, т. 21, кн. 1.

Второе публикуемое выступление Б. М. Соколова относится к его длительным занятиям поэтикой, которые охватывали широкий круг вопросов: об этом свидетельствуют материалы курса «Поэтика былин»⁷, лекции по теории поэтики⁸ и другие источники. В феврале 1924 г. Б. М. Соколов прочитал в Государственной Академии Художественных наук (ГАХН) доклад «Композиция народной песни». Из него воспроизводится вводная часть, где автор обосновывает мысль о значении фольклора для понимания эволюции поэтического искусства, высказывается против статического подхода к поэтике, полемизирует с недооценкой содержательной основы художественной композиции. Представляет интерес и характеристика методики изучения композиционных приемов народной песни, предпринятого в Саратовском университете⁹.

Третья часть публикации представляет собой конспект разбора книги А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин», с которым Б. М. Соколов выступил в ГАХН 4 декабря 1924 г.

Присутствовавшая на этом заседании Э. В. Померанцева свидетельствует, что доклад запомнился уважительным и очень подробным анализом книги Скафтымова и в то же время постоянными оговорками полемического характера в защиту исторической школы.

Это подтверждается публикуемым текстом. Он интересен как самый первый и наиболее содержательный отклик на книгу А. П. Скафтымова¹⁰.

Б. М. Соколов приветствует «прекрасно написанную» работу саратовского профессора, находя, что она содержит «важные ука-

⁷ См. Лекции «Поэтика былин», читанные в Московском педагогическом институте и Костромском университете (1918—1919).— ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3228, л. 1—69 (Тезисы и текстовые подборки). См. также более ранний доклад «К вопросу об эвфонии русского былинного стиха» (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3334, л. 105—106 об.)

⁸ ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3334, л. 1—9 (А. А. Потебня), л. 10—14 (Историческая поэтика А. Н. Веселовского), л. 15—33 (Новые работы в области ритмики русских стихотворений), л. 34—48 об. (Задачи поэтики), л. 49—98 (Материалы к лекциям).

⁹ Итоговые выводы см. в статье Б. М. Соколова «Экспюры в область поэтики русского фольклора» («Художественный фольклор», вып. 1. М., 1926, с. 38—53). См. также: ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3079, л. 1—50 (автограф указанной статьи со страницами, не вошедшими в публикацию 1926 г.), л. 51—65 (копия), л. 68—70 об. (черновые материалы).

¹⁰ Специальная работа о книге А. П. Скафтымова появилась лишь недавно, причем разбор Б. М. Соколова не был известен ее автору. См. *Аникин В. П.* А. П. Скафтымов — критик исторической школы и его теория эпоса в книге «Поэтика и генезис былин». — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. VI. М., 1974, с. 96—118.

зания на эстетический момент» и «хорошо подчеркивает... что былина не равна документу».

Выдвигаемые Соколовым *возражения* не одинаковы по своему характеру и весомости, подчас они формулируются с полемическим заострением. (Например, замечание о «схематизме» не согласуется, на наш взгляд, с нацеленностью работы А. П. Скафтымова на выявление главнейших закономерностей композиции.) Принципиально и предметно несогласие Б. М. Соколова с идеей о «примате композиции»¹¹, серьезный пробел в концепции А. П. Скафтымова указан вопросом «почему же существуют разные сюжеты?» и другими репликами Б. М. Соколова по этому поводу. Оправданно замечание о неодинаковости композиции в разных видах былин. В ряде случаев Б. М. Соколов вносит уточнения и поправки — в частности, им оспаривается утверждение, будто былина не знает напряженного боя.

Б. М. Соколов первый уловил противоречие между двумя начальными и третьей главами книги А. П. Скафтымова в отношении к исторической школе. «Произошло парадоксальное явление, — пишет теперь по этому же поводу В. П. Аникин, — постоянной опорой для суждений ученого был отказ от сомнительных и слишком прямолинейных исторических построений и самого метода «школы» В. Ф. Миллера. И вдруг ученый сам ищет у этой школы спасительной аргументации!»¹² Объяснение А. П. Скафтымова (приводимое и В. П. Аникиным) звучит следующим образом: «Нужно предположить какое-то сюжетное ядро, которое в былине когда-то было дорогом самой фактичностью своею, как воспроизведение определенного события подлинной жизни...»¹³ Но напрасно видеть здесь только возврат к тому, что отрицалось

¹¹ Из опубликованных работ Б. М. Соколова нам известно, что вопрос о внутренних приемах былинной композиции он считал важным. Однако полагал «преждевременным» признать «выводы из опыта А. П. Скафтымова по этому поводу «установившимися» (ознакомление с докладом о «Поэтике и генезисе былин» позволяет понять мотивы подобной осторожности). Но в историографии еще не отмечалось, что именно Б. М. Соколов стал включать в характеристику композиции былин, с известными коррективами, некоторые заключения А. П. Скафтымова — например, о «центростремительности повествования к главному действующему лицу», о начальной недооценке героя («аналогия приему ангитезы в развитии действия»). Уточнение, внесенное во второй пункт, вполне уловимо (см. подчеркнутые слова): «...все это сразу опровергается.. финальным моментом богатырской былинны (*богатырь один расправляется с многотысячной враждебной силой*)». — Соколов Б. М. Русский фольклор, вып. 1, с. 32; он же. Былины. — «Литературная энциклопедия», т. II, стлб. 12.

¹² Аникин В. П. Указ. соч., стр. 109.

¹³ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.—Саратов, 1924, с. 100.

в начале книги (он налицо). Еще важнее учесть концепционное уточнение: «*когда-то было* дорого своей фактичностью» (А. П. Скафтымов имел в виду, что «в дальнейшем» утрачивается «интерес к факту самому по себе», и «фактическая действительность» «утилизируется былиной по преимуществу со стороны ее функционально-эстетического веса»¹⁴). При всем отличии объяснения «моделируется», по существу, тот же процесс, который предполагали сторонники исторической школы, говоря об изначальности конкретно-исторического элемента и его последующем выветривании и искажении! Это принципиально родственно и положению Д. С. Лихачева о *постепенном* возникновении обобщения на основе единичных фактов¹⁵, противопоставляемому известной концепции В. Я. Проппа, согласно которой обобщение — *исходное* качество эпоса¹⁶. Доводы в пользу обоих решений, возможно, скрывают в себе такую диалектику вопроса, в силу которой эпос называл реальные имена и факты, беря их, однако, в родовой, а не эмпирической значимости — такой была его «разрешающая способность» (т. е. понятие «обобщенности» не следует, видимо, подставлять вместо «нерасчлененности»). Во всяком случае, подобное представление отвечало бы и известному замечанию Ф. Энгельса о том, что свойством древней литературы была «недостаточная» (по критериям нового времени) «характеристика»¹⁷.

Выступление Б. М. Соколова по поводу книги А. П. Скафтымова и высказывания других ученых, участвовавших в ее обсуждении в 1924 г. (они приводятся в примечании к публикации), дают возможность судить, как была воспринята книга в год ее выхода. Оценки сопрягались преимущественно с отношением к историческому подходу к былинам и несли на себе печать споров вокруг этого вопроса. Выдающийся вклад А. П. Скафтымова в раскрытие *поэтики* былин получил полномерное признание лишь в наши дни.

При всем этом и расхождения, которые выявились полвека назад, и доводы, сохраняющие свою *существенность*, не только соотносят печатаемый источник с современной дискуссией вокруг проблемы историзма народного эпоса, но и *включают* его в дискуссию в качестве весьма актуального материала.

¹⁴ Там же, с. 101.

¹⁵ Лихачев Д. С. «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах. — «Славяне и Русь». М., 1968, с. 431 и сл.

¹⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2, испр. М., 1958, с. 23 и сл. См. также: Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, с. 224 и сл.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. об искусстве», т. I. М., 1957, с. 29.

Ближайшие задачи изучения русских былин

<1918>

В изучении русских былин после чрезвычайно длительного и интенсивного периода наступил какой-то *перерыв*. Причиной этому являются, прежде всего, обстоятельства внешние: неумолимая смерть унесла в последние годы наиболее энергичных и видных исследователей в этой области, как ак<адемик> А. И. Веселовский, незабвенный в Московском университете * ак<адемик> Вс. Ф. Миллер, проф. М. Г. Халапский и, совсем недавно, молодой еще ученый А. В. Марков. Сошли в могилу вожаки и учителя в деле изучения былин и унесли с собой далекие от своего завершения планы и задуманные работы. Но есть и другие причины — это чувствуемое какое-то разочарование в прочности и плодотворности работ над русским эпосом. Не этим ли объясняется отход в другие области нашей истории литературы некоторых ныне здравствующих исследователей? Во всяком случае, в настоящее время ряды исследователей русских былин сильно поредели.

Но мы глубоко верим, что это сравнительное затишье в изучении нашего былевого эпоса — явление временное. Иначе и быть не может! Не может же русская историческая наука отбросить в сторону столь важную область, как русский национальный эпос, это драгоценное поэтическое и историческое наследие наших предков, эту неписаную летопись прошлых судеб России! Наше грядущее национальное возрождение, которое, если мы еще и не осознали ясно нашим умом, зато трепетно предчувствуем нашим сердцем, неизбежно будет идти рука об руку с горячим стремлением к самосознанию и к постижению основ народной жизни и национальной психологии. И здесь-то многовековой общерусский эпос невольно должен будет привлечь к себе научное и общественное внимание как один из источников этого национального самосознания.

И вот в эпоху временного перерыва и накануне новых усиленных работ над народным эпосом нам особенно важно немного оглядеться, бросить взгляд на пройденный путь, подвести сделанному итоги и, главное, ясно определить ближайшие неотложные задачи изучения русских былин. Нельзя скрывать того обстоятельства, что одной из причин разочарования, о котором мы упомянули, в плодотворности филологических изучений нашего эпоса была слабая согласованность работы отдельных исследова-

* В машинописном тексте — поправка: «в истории изучении эпоса» (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3229, л. 10).

телей, некоторое кидание из стороны в сторону, известная субъективность, а нередко и явная фантастичность научных или наукообразных построений. Опыт показал, что и в науке, как и вообще в жизни, чрезвычайную роль должна играть не только индивидуальная изобретательность, не только искание одних новых путей, но и продуманная согласованность и преемственность научной работы. Научная традиция не всегда сковывает ум, этой силой она обладает лишь над умами рабскими, но она способна укреплять научную мысль и давать ей веру в прочность и плодотворность работы над выставляемыми наукой задачами.

Итак, всегда важно ясно представлять, куда идти и что́ нужно искать, какие очередные задачи изучения лежат перед исследователями той или другой области знания.

Мы берем на себя смелость здесь, поневоле в самых кратких словах, наметить план очередных работ в области русского былевого эпоса, как он вырисовывается в нашем понимании.

Прежде всего коснемся подготовительных работ над сборанием и систематизацией самого подлежащего к изучению песенно-эпического материала. Как ни велики имеющиеся в распоряжении науки собрания былин — сборники Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Киреевского, Маркова, Григорьева, Ончукова, а также синтетические сборники былин старой и новой записи¹ и новой и недавней записи², мы все же далеки от утверждения, что весь былинный материал уже собран и собрание его можно оставить. Мы можем смело утверждать, что, если бы было желание и воля отдельных лиц и широкая общественно-научная поддержка, то перед нами могли бы открыться еще чрезвычайно большие, не использованные еще песенные богатства.

Как легко ошибиться в утверждении об исчерпанности песенных богатств, показывает хотя бы пример автора обзора собрания и изучения русских былин, проф. Лободы, который в 1896 г. в этом обзоре писал: «Рассматривая русский богатырский эпос в его настоящем, приходится признать, что *пора открытий для него миновала. Европейская Россия вполне исследована* и более того, что уже известно, *дать не может*»³. Но каково же должно было быть удивление почтенного ученого, когда через несколько лет трудами собирателей Маркова, Григорьева и Ончукова в разных краях обширной Архангельской губернии было записано несколько сот былинных текстов, в то время как по обзору Лободы на долю Архангельской губернии относилось всего 32 былины. То же самое нужно сказать и про другие местности.

Совсем недавно в той Новгородской губернии, из которой всего-навсего было известно две записи, удалось записать сравни-

тельно в небольшом географическом районе несколько десятков былин. Даже в центральных губерниях, например — в Рязанской губернии, совсем недавно академик Шахматов обнаружил крайне интересную и еще неизвестную историческую песню⁴ из эпохи взятия Казани... *

Важность записывания былинных вариантов ясна каждому, мало-мальски знакомому с научной разработкой былин: эти записи важны уже самим своим фактом, хотя бы для разрешения вопроса о географическом распространении (вопроса, нуждающегося в пересмотре⁵), а глубже — и о происхождении былин. Крайне важны они и для изучения эволюции былин в народных устах. Наконец, настойчивая необходимость собирания остатков былевого творчества выясняется также из идеальных современных научных требований, предъявляемых к записи произведений устной словесности, которым далеко не удовлетворяют даже лучшие имеющиеся в печати записи. (** Собиратель, стоящий на высоте современных научных требований, значительно больше должен добыть сведений о личности сказителя, об ее отражении в поющих им былинах, об изменениях, допускаемых им при одновременном исполнении, о связи его былины с другими, ему известными видами народного творчества, об отношении к былинам его деревенских слушателей, об эпической традиции в известном крае и т. д. и т. д. Крайне обидно, что у нас нет еще достаточного общественного сознания важности собирания произведений народного творчества, в частности былин, иначе мы имели бы значительно больший и более всесторонне представленный материал <...>

Не все обстоит благополучно и с делом систематизации собранного богатства. Неловко даже сказать, что такой знаменитый и первостепенно важный сборник эпических песен, как в десяти томах сборник Киреевского, изданный еще в 60-е годы и представляющий сейчас большую библиографическую редкость, не может выйти в свет вторым изданием... Нет у нас и систематического общего указателя, хотя бы одних былинных сюжетов ко всем

* В машинописном тексте более поздняя вставка: «Не могу не выразить своего горячего убеждения, что и в местном Саратовском крае в дополнение к уже ранее собранной здесь жатве при систематических поисках и желанин, при поддержке местных живых сил можно будет собрать еще не один десяток драгоценных эпических песен».

** Здесь и далее звездочкой в начале помечены фразы, заключенные в скобки и перечеркнутые автором (чаще всего — карандашом). Можно предположить, что полный текст был оглашен в качестве доклада, а сокращенный использовался при университетском чтении.

В машинописный текст работы изъятые места не вошли.

сборникам. А это чрезвычайно отражается на экономии научной работы. Всякий исследователь, касаясь какого-нибудь из довольно многочисленных былинных сюжетов, должен всякий раз производить работу по подбору необходимых ему вариантов. Я уже не говорю об общем систематическом указателе имен и предметов. Их у нас нет даже к некот<орым> отдельным сборникам. Говоря о былинных материалах, подлежащих научному исследованию, мы должны упомянуть еще об особом, специальном разряде былинных текстов — это так называемых былин старой записи XVI—XVIII вв., ходивших в рукописях под заглавиями «сказаний», «повестей» и «историй» о богатырях ⁶. Важность этих источников очень велика. (*Помимо того, что они дают наиболее древние записи, они нередко представляют и совершенно отличные сюжеты или, по крайней мере, версии устных былин. Напомним, напр<имер>, о знаменитом т<ак> наз<ываемом> богатырском Слове ⁷, об интересной былине об Алеше Поповиче и др. «Еще одна, другая запись вроде барсовского богатырского слова, — говорит один из исследователей, — и наш эпос предстанет в значительно ином виде и освещении, чем в настоящее время. Но даже если бы и не нашлось ничего равного по своему значению Слову, то все же всякая новая находка в этой области будет представлять значительный интерес...»)

Мы далеки от того, чтобы утратить всякую надежду на возможность находок новых, еще не изданных текстов. Доказательством этому может быть то обстоятельство, что в настоящее время лично я имею возможность опубликовать семь былинных старинных текстов из рукописных собраний Барсова, Забелина и гр. Уваровой ⁸. Наукой еще недостаточно обследован вопрос об отношении подобных рукописных текстов с одной стороны — к устным пересказам, а с другой стороны — лубочной литературе. Не изучен пристально и стиль старинных записей по сравнению с песенными вариантами.

Таковы ближайшие задачи по собиранию, опубликованию и систематизации былинного материала. Как видно, работы и в этой подготовительной области немало **.

Обращаясь к вопросу о научном исследовании былин. Уже из сказанного выше ясно, что дальнейшая разработка наших былин и постановка научных проблем должна прежде всего базироваться на *итогах* предыдущей исследовательской работы, что может быть выяснено на основании внимательного критического

** В машинописном тексте — вставка: «Здесь наука еще ждет своих ревностных сотрудинок» (л. 13).

обзора обширной научной литературы о былевом эпосе. К сожалению, и здесь не произведено еще этой должной подготовительной работы. Существующие специальные обзоры литературы или не преследуют прямой нашей задачи (как известный труд А. Н. Пыпина «История русской этнографии»), или чрезвычайно устарели — напр<имер>, обзоры проф. Лободы и Александровского⁹, оба относясь к 1896 г. (*Я не говорю об общих, преследующих учебные цели, обзорах при курсах университетских лекций.) А между тем, как раз за последние двадцать лет, особенно в первую половину, русская наука о былинах обогатилась как новыми обширными собраниями былин, так и замечательными исследованиями. Достаточно упомянуть, что большинство работ Вс. Ф. Миллера, работы А. В. Маркова, С. К. Шамбинаго и др. не вошли в эти обзоры. Такой критический анализ предшествующей научной литературы мог бы дать много поучительного как в смысле *подражания*, так и в смысле *предостережения* для дальнейших работников этой трудной и темной области.

Такой обзор показал бы нам наряду с поразительными и блестящими выводами, к которым приходили те или другие исследователи по *отдельным* вопросам наших былин, также и немалую *противоречивость* и *неустойчивость* в других, как общих, так и в частных вопросах. (*Эта противоречивость объяснений, например, того или другого богатыря или былинного сюжета часто настолько велика, что человек, малознакомый с прихотливой и капризной областью народно-поэтического творчества, может безнадежно развести руками и усомниться в самом существовании нашей науки.)

Одну из причин неустойчивости, разнообразия и даже противоречивости научных объяснений и заключений о наших былинах следует прежде всего видеть в *неустановленности* до сих пор самого *метода изучения* былин. Эта невыработанность метода и неустойчивость критериев сказывается прежде всего на трудной работе по воссозданию *основного* вида, *зерна* былинны и ее постепенной литературной эволюции (*это воссоздание базируется на тщательном анализе и взаимной сверке всех существующих пересказов), что вменяется теперь в необходимую обязанность каждому исследователю любого былинного сюжета. (*Эта кропотливая работа часто над десятками вариантов не только крайне обширной, в сотни и свыше тысячи стихов, былинны действительно имеет большое, хотя и служебное, значение. Исследователь должен *разложить* былинну на ее постепенно налегавшие пласты, должен отделить все позднейшее, случайное и реконструировать древний первоначальный вид песни.) Казалось бы, что для такой

реконструкции должны бы быть выработаны б<олее> или менее точные научные приемы, установлены обязательные научные критерии, чтобы предостеречь исследователя от соблазнительной мысли подобрать из отдельных пересказов только те черты и особенности, какие укладываются в его априорную схему. Однако говорить о какой-либо установленности метода при критике устных пересказов былины — увы, не приходится! И нам нередко, наоборот, приходится наблюдать, как один и тот же исследователь на страницах одной и той же работы при воссоздании основного извода былины то апеллирует к «большинству» вариантов, то, наоборот, к единичному и даже самому, казалось бы, нескладному и дефектному.

В качестве примера напомним хотя бы известную диссертацию С. К. Шамбинаго, где автор выставляет, как правило для восстановления главнейших деталей основной темы, свидетельства большинства пересказов, но в целом ряде случаев для этого же прибегает к показанию двух-трех или даже единичного варианта. Напр<имер>, эпизод «обучение Василия Буслаева грамоте»; несмотря на то, что он находится всего в двух [пересказах, С. К. Шамбинаго считает возможным отнести его к основной теме. Или, напр<имер>, свидетельству крайне нескладного зачина о Буслае и об его отношении к какой-то «матерой бабине» С. К. Шамбинаго вслед за Ждановым придает особенное значение. Такого рода неустойчивость мы найдем нередко и в работах самого Вс. Ф. Миллера *.

(*Отсюда, кажется нам, крайне важно и необходимо заняться выработкой метода критики песенного текста, былинной реконструкции, что можно сделать на внимательном анализе, а затем сводке результатов, психологии и законов песенного творчества, былинной поэтики и так называемой морфологии народного стиха.) Оно и понятно: без определенности и по крайней мере некоторой устойчивости в приемах в анализе пересказов и воссозданий первообраза былевой песни — всякая реконструкция будет носить характер субъективности, а подчас и произвольности.

Еще больше и настойчивее будет сказываться необходимость в разработке методологических (принципиальных) вопросов, когда мы обратимся уже к наиболее интересной и важной области *научного объяснения* нашего былевого эпоса. Без метода, без методологии нет истинной науки. (*Всякая научная область требует от исследователей осознания *приемов* и *метода*, приличествую-

* Данный абзац представляет собой вставку на отдельном листе (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3229, л. 9). В машинописном тексте отсутствует.

щих ей по смыслу ее, характеру и особенностям. Изучение народной словесности, в частности былин, естественно, также не может быть исключением из этого правила — наоборот.) Чрезвычайная сложность и капризность былинного материала и природа песенного творчества тем настойчивее требуют выработки объективных научных приемов изучения.

Между тем при чрезвычайном обилии работ, посвященных объяснению эпоса как в целом, так и особенно в частностях, мы можем отметить всего несколько статей, специально посвященных вопросам методологии изучения русских былин. Больше всего интересовался этими принципиальными вопросами, как оно и можно ожидать, А. Н. Веселовский, создатель глубокой и продуманной исторической поэтики. В своих работах о русском эпосе он нередко обращался к критике и проверке научных историко-литературных методов — как тех, против которых он возражал, так и тех, каких сам придерживался <...>

В предисловиях к исследованиям И. Н. Жданова, Вс. Ф. Миллера, А. М. Лободы и др. мы найдем некоторые указания по вопросам методологии, найдем их и в двух-трех небольших статьях Н. И. Трубицына, А. В. Маркова, посвященных этому важному вопросу. Однако всего этого недостаточно: методологическая сторона нашей науки в будущем должна получить значительно большую и углубленную разработку, основанную на поучительном опыте многочисленных научных исследований и исканий, бывших до сих пор. Выработке строгой, возможно объективной методологии нашей науки, несомненно, мешало господство априорных решений, или, как говорит А. Н. Веселовский, «метафизических построений», с которыми подходили к эпосу.

Односторонность прежней «мифологической теории» теперь вполне очевидна. Очевидна нам и неуместная в науке крайность особо ретивых сторонников теории «заимствования», какими, например, были В. В. Стасов, а позднее и Г. Н. Потанин. (*Ложность их заключений находит себе для нас очевидное объяснение в неправильности применения самого их метода, в стремлении исследователей всеми силами подогнать былинный материал под заранее составленные схемы, базируясь на поверхностных и случайных сходствах. Однако эта крайность, увлечения не уничтожают тех высокоценных результатов, к которым пришли наиболее видные и вместе с тем наиболее научно осторожные представители той и другой научных школ.) Крайности как в той, так и в другой школах проистекали, главным образом, из стремления разрешить важные вопросы о происхождении и истории былин вне их прикреплений и связи с родной русской почвой. Чрезвычайно

чайно важно, что существенный корректив к этим теориям (*по существу своему отнюдь не отжившим), вносился как их наиболее осторожными представителями, так и их противниками в виде исторического принципа.

Работы О. Ф. Миллера и Ф. И. Буслаева в области эпоса, несмотря на явную теперь неосновательность их мифологических заключений, сохраняют во многом свое значение и для нашего времени, не только благодаря обилию и разнообразию привлеченного ими материала, подлежащего теперь лишь иному освещению, но и тем *историко-бытовым* отражениям, которые ими были усмотрены в русских былинах. Еще более приложимо это к теории заимствования. Если, с одной стороны, А. Н. Веселовским был выставлен принцип, что «эпос всякого *исторического* народа по необходимости — *международный*»¹⁰, то, с другой стороны, тот же ученый вместе с тем выставил как необходимое требование от исследователей при применении теорий международного литературного общения всякий раз обращать особенное внимание на установление исторической возможности литературных влияний и на их *исторические* пути перехода. Мало этого, метод заимствования в толковании А. Н. Веселовского не только не отрицает исторического, но наоборот, является даже его утверждением. Сравнительный метод, говорит А. Н. Веселовский, «есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения»¹¹.

(*И другие исследователи международных связей русского эпоса определенно выдвигали в каждой былине две стороны предмета: поэтическую оболочку и историческую основу. Литературная история былинного сюжета не отрицает его исторической основы, его прикрепления к национальной русской почве. В жизни эпических сказаний И. Н. Жданов усматривал как параллельные «литературные замещения» и «бытовые приурочения». Вс. Ф. Миллер в эпоху своих «Экскурсов» эти же два процесса определял как историзацию поэтического сказания и поэтизацию исторического факта.)

Отсюда мы видим, что ни теория мифологическая, ни теория заимствования не отрицают метода исторического, а наоборот, — в применении его находят лишь необходимую себе поддержку и стойкий фундамент для своих построений.

Поэтому вполне понятно, что даже в эпохи наибольшего господства этих теорий наряду с ними, а отчасти и рука об руку с ними, шла работа по раскрытию исторических национальных основ нашего эпоса.

Еще в 1862 г. Л. Н. Майков выступил со своей известной работой «О былинах Владимирова цикла». Центр тяжести ее заключается в отыскании историко-бытовых черт, основ и наслоений в былинах; (*«...необходимо всмотреться, — писал он, — в главные исторические данные, встречаемые в былинах Владимирова цикла, из отношения их к положительным историческим показаниям можно с некоторою точностью определить эпоху самого сложения былин», так как) «вообще, — говорит Майков, — народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ»¹².

Эти основные положения Майкова, а также его другие веские принципы во многом сохраняют свою силу и до наших дней.

Позднейшие работы, как историков (К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров), так и словесников (Н. П. Дашкевич, М. Г. Халанский, И. Н. Жданов, наконец особенно Вс. Ф. Миллер во второй период своей деятельности и вся его школа) уделяли значительное внимание разработке вопросов истории и быта в наших былинах. В последнее же время *исторический метод* изучения русских былин нужно признать главенствующим. Это явление вполне понятное. Оно диктуется самой сущностью истории словесности как науки, и освещение былин в исторической плоскости *остается* очередной задачей для ближайшего времени.

Прежде чем вести то или другое словесное произведение в круг истории литературы, нужно иметь ответ по основным вопросам этого произведения: *когда, где и кто* сложил это произведение и, наконец, *что*, собственного говоря, оно выражает. Одним словом, мы должны, прежде всего, разрешить самые основные, самые первоначальные вопросы историко-литературного исследования: определить время и место, где слагались былины, определить среду, где эти произведения возникли, и, наконец, раскрыть во многом темное для нас идейное, поэтическое и историческое содержание былин.

Как далеко мы еще от окончательного ответа на эти основные вопросы, показывает хотя бы та неустойчивость и разногласия в ученых мнениях, которая существует по вопросу о *времени* сложения былин. Если мы оставим в стороне гадательные определения мифологов о доисторической давности наших былин, то и в среде ученых, уже более твердо стоящих на исторической почве, пестрота мнений будет поражать нас.

Целый ряд исследователей относит сложение былин к эпохе князя Владимира. По мнению Бессонова, «старший и лучший период нашего былевого творчества, выразившийся в богатырских

Владимировых былинах, кончается с появлением татар». Упомянутый нами ак<адемик> Майков выработку нашего эпоса относит к X—XIII векам, а окончательное установление его — ко второй половине удельно-вечевого периода XIII—XIV вв. Ак<адемик> Веселовский эпохой сложения былин считает южнорусский период истории. Марков относит возникновение ядра наших былин, их основное содержание к татарскому периоду — XIII—XIV векам. Халанский уже значительно приближает к нам время сложения дошедшего до нас великорусского эпоса от XIV по XVI в. Наконец, как известно, С. К. Шамбинаго решающим временем для нашего эпоса считает эпоху XVI века!

Вот каково разнообразие научных мнений по такому кардинальному вопросу, как определение времени сложения и формирования нашего эпоса... Не лучше обстоит дело и с вопросом о месте возникновения и о среде, где эпос возник и развивается.

Но как же быть? По каким путям нужно идти, чтобы разрешить указанные ближайшие задачи *определения национальной почвы в русских былинах*? Мне кажется, прокладывать совершенно новых путей не приходится. Они указаны в заветах виднейших наших исследователей. Нужна только большая согласованность в работе словесников и живая помощь работников родственных дисциплин и прежде всего историков...

Большое значение имеет объяснение былинных имен. Мы знаем блестящие примеры таких объяснений, напр<имер> в приложении к имени богатыря Алеши Поповича — ростовского храбра XIII века Александра Поповича, или Добрыни Никитича — дяди кн<язя> Владимира, былинного имени Маринки — известной жены Самозванца и т. д.

Но при таких толкованиях нужно соблюдать и крайнюю осторожность. Крайне важно не только обнаружить тождество имени былинного героя с летописным, но и определить время *внесения в саму летопись* упоминаний этого имени, т. к. летопись может сама пользоваться устным источником¹³. Я напомню, какое большое значение имеет, напр<имер>, точное определение времени внесения в летопись известного упоминания Никоновской летописи под 1171 г. о смерти новгородского посадника Васьки Буславича, т. к. если окажется, что это имя попало в летописный свод раньше разгрома Иваном Грозным Новгорода, то этим одним уже устранится гипотеза С. К. Шамбинаго о Ваське Буслаеве как своего рода псевдониме Ивана Грозного...

Наконец, при историческом объяснении былинного имени нужно принимать во внимание не только одно лишь соответствие его историческому, но и поставить его *в связь с другими историко-*

бытовыми чертами изучаемой былины. Былинному Мишатке Путятину (былина о Даниле Ловчанине) соответствует много исторических Путят, и отождествлять этого Путятина или Путятю, напр<имер>, с киевским тысяцким эпохи Святополка II-го, Путятой (как это делал, напр<имер>, Вс. Ф. Миллер), в то время как вся былина говорит о позднем московском времени, — неосновательно. Объяснение Путятина естественнее искать в исторических личностях этой же московской эпохи, для чего и есть соответствующие данные.

В объяснении былин с исторической точки зрения нужно принимать во внимание не столько общерусскую древнюю историю, сколько считаться с историей местной, *областной*. Русская жизнь средних веков развивалась главным образом по этому областному принципу. Ему же в значительной мере, как это блестяще было выяснено еще Ф. И. Буслаевым, подчинялось и наше литературное развитие, а также и история нашего былевого эпоса. «Как древняя наша литература, — писал Ф. И. Буслаев в своих знаменитых «Очерках», — слагалась из местных сказаний, так и около Владимира-князя сосредоточился целый цикл областных песен, представителями которых были местные богатыри...»

Научные исследования — особенно Н. П. Дашкевича, М. Г. Халанского и прежде всего Вс. Ф. Миллера — довольно подробно выяснили нам *областные* слои в нашем эпосе: напр<имер>, прекрасно разьяснены некоторые былины с точки зрения новгородской, ростовской и южнорусской жизни и литературы, но некоторые областные центры далеко еще не изучены. Укажу, напр<имер>, область муромо-рязанскую, так богатую своими отголосками в эпосе (вспомним Добрыню Рязанца, Златого Поясу, Авдотью Рязаночку, Илью Муромца, упоминание в былине «старой Рязани» и пр.). Эти былинные имена и факты еще не поставлены в крепкую связь с местной историей и литературой. Напомню также про смоленско-полоцкую область, несомненно богатую своими поэтическими легендарными сказаниями (свидетельства летописи о Рогнеде Полоцкой, «Слова о П<олку> Иг<оре-ве>» о Всеславе Полоцком, немецкой Тридрек-саги о Полоцке, Вольдемаре, Илиасе) и отражениями в былинах: с этой местностью связывается, напр<имер>, былинное приращение боя отца с сыном (прозвание матери Сокольника «баба Латыгорка» возводится к древнерусскому названию латышского племени Латыгора, первоначальн<о> Лѣтьгола)¹⁴. Эта область, вне сомнения, была, наряду с новгородской, одной из главных посредниц культурного и литературного общения с соседним западноевропейским миром. Немалую услугу изучению русских былин могли бы ока-

зять розыски нар<одных> * отражений в соседней латышской и литовской словесности.

Наряду с выяснением исторических (общерусских и областных) имен и событий, нашедших себе отражение в былине, должна вести себя деятельная разработка *бытовой* стороны наших былин. Мы не будем распространяться об исключительной важности такого историко-бытового изучения как средства к разрешению указанных выше первоочередных задач. Только познание бытовых отражений в наших былинах, введенное в хронологические и исторические рамки, может вплотную приблизить нас к той жизни, какую былины изображают. А между тем специальных работ в этой области крайне мало. Главнейшие из них — это очерк покойного А. В. Маркова «Бытовые черты русских былин» и статья С. К. Шамбинаго, специально посвященная жилищу по былинам.

Но у нас остается еще необозримое количество других бытовых предметов, нуждающихся в планомерном и всестороннем историческом и археологическом объяснении. Таковы, напр<имер>, одежда, оружие, охота, пища, домашняя утварь и т. д. Все эти «сорочинские ковры», «седлышка черкасские», «клюки рыбьего зуба», «булат иверьянский» и пр<очие> должны получить прочное археологическое объяснение. Одним словом, крайне желателен обстоятельный *историко-бытовой словарь* к нашим былинам. Нет сомнения, что такая работа вышла бы из круга специальных историко-словесных интересов, а могла бы немало содействовать изучению вообще *бытовой* нашей истории, что тоже является далеко не последней задачей современной науки.

Не меньший интерес и не меньшую необходимость представляет изучение *социальных* групп и отношений по былинам. Какую заманчивую задачу представляет исторический комментарий к той пестрой галерее социальных типов, какую дают наши былины. Перед нами бы прошли <...> все эти князья, бояре, дружинники, поляницы, купцы — «гости богатые», духовенство (от высших «владык» до скромных пилигримов — «калик переходжих»), скороходы, казаки, крестьяне, наконец, «голи кабацкие». Исторiku сословий был бы дан крайне богатый и интересный материал, а историк словесности получил бы необходимые ему данные для хронологии изучаемых им произведений.

Как важен чисто исторический подход хотя бы к объяснению социальных групп и типов в наших былинах, показывает, напр<имер>, истолкование Вс. Ф. Миллером эпитета Ильи Муромца «ста-

* В машинописной копии исправлено: «былинных».

рый казак» не как указания на возраст, а <в качестве> обозначения звания, — представителя особой группы домовитых, оседлых казаков, что влечет за собой, несомненно, важные и любопытные выводы как по истории «былинного типа» Ильи Муромца, так и по истории наших былин вообще.

Думается нам, что ухо опытного специалиста-историка могло бы уловить в былинах немало ему знакомых древнерусских терминов и понятий, для исследователя неисторика ничего не говорящих.

Наконец, крайне важно и полезно было бы изучение той *классовой психологии*, классовых воззрений и представлений, какие можно иногда * очень отчетливо уловить в наших былинах. Некрестьянское происхождение былин явствует из их содержания и только приходится удивляться, как долго господствовало в науке убеждение, что былины — это плод народного (в смысле простонародного) творчества. Крестьянский слой в былинах есть, но он отнюдь не древнего происхождения. Ведь и первый-то русский богатырь Илья Муромец стал «крестьянским сыном» лишь в ту позднюю эпоху, когда эпос стал достоянием единственно крестьянских масс.

Но <пойдем> и глубже, в былинах мы можем заметить чрезвычайно разнообразное отношение богатырей к князю, князя к богатырям. Бояре являются то в привлекательных, то в резко отрицательных чертах и т. д. Разобраться бы в этом нестройном море голосов, уловить *классовые тенденции, симпатии и антипатии* — это дало бы еще один из искомых нами исторических критериев для объяснения наших былин, и, в частности, помогло бы разъяснить трудный и неясный вопрос об авторах былин, о среде, где они возникали...

Научные рассуждения привели к мысли, что в сложении былин приняли участие древние *дружинные* певцы, затем, с одной стороны, *скоморохи*, на долю которых должны быть отнесены гл<авным> обр<азом> былевые песни веселого сатирического характера, а с другой — наоборот, люди серьезные, религиозные, люди, близкие к церкви — пилигримы, *калики переходящие*. На долю последних должны пасть былины религиозно-легендарного характера.

Но все это еще в б<ольшей> или меньшей степени гипотетично. О дружинной поэзии сравнительно мы знаем очень мало, чтобы тесно связать с нею наши былины, о скоморохах не как носителях, а как творцах былин точных свидетельств (помимо самих

* В машинописном тексте слово «иногда» отсутствует.

былин) у нас почти нет. Даже о пении ими былин в точном смысле этого слова у нас есть, собственно говоря, лишь одно свидетельство В. Н. Татищева¹⁵. На вопрос о церковных людях как слагателях былин обращено внимание лишь в последнее время. Этого мы коснемся в следующей лекции*. Все эти гипотезы, вне сомнений, имеют большую долю вероятия, но для их точного научного оправдания нужно еще не одно специальное исследование.

На помощь этой задаче приходит также выяснение отношений русского эпоса с *соседним*. Мы уже видели, что помимо уяснения литературной истории поэтического сюжета важен сам по себе факт «*заимствования*» как определенное историческое указание. Однако желательно, чтобы этот факт не стоял изолированно, а всякий раз выводился на фоне культурно-исторической обстановки как среды, передающей сказание, так и его воспринимающей. Некоторые вопросы в этой области, — например, вопрос об отношении русского эпоса к германскому или византийскому — нуждаются в подведении итогов, с одной стороны, а с другой — в основательном пересмотре. В частности, с нашей точки зрения, при изучении вопросов заимствования желательно обращать внимание на сходство не одних сюжетов и мотивов, а также на весь *поэтический строй* произведения.

Если у нас есть достаточно фактов из области международных отношений русских эпических сюжетов, то у нас нет почти никаких данных по их *сравнительной поэтике*. Но весьма возможно, что как раз анализ *поэтики* русских былин, поверяемый данными поэтики соседних эпосов (германского, византийского, югославянского), мог бы пролить, в свою очередь, немалый свет, напр<имер>, на происхождение нашей былевой поэзии и на ее слагателей (напр<имер>, дружинников)...

Однако изучение *поэтики* русских былин важно вести не только в этой плоскости. Наука наша почти совсем не уделяла ей должного внимания. Мы найдем попутные замечания в работах Веселовского, Потебни и др., но специальной работой, и то очень сжатой, является лишь переводная работа Миклошича «Изобразительные средства славянского эпоса». Но поэтика русских былин этими работами далеко не исчерпана и ждет своего внимательного исследователя**. В связи с этим нужно бы глубже и всестороннее, чем теперь это сделано, уяснить себе отношение былинной поэзии и ее образов, стилистических формул и приемов к *другим*

* В машинописном тексте — позднее добавление карандашом: «В 1-й части предлагаемой книги» (л. 19).

**В машинописном тексте помечено, что здесь следует вставка, по она отсутствует.

видам русского народного творчества: духовным стихам, сказкам, побывальщинам, обрядовой и лирической поэзии, напр<имер> причитаниям, и т. д.

От *поэтики* былин обратимся к их *языку*. Как ни странно, у нас нет ни одной работы, посвященной уяснению былинного языка и его истории. Мы не имеем сейчас в виду работы о языке былин как материале диалектологическом (немецкая работа Лескина о языке олонецких былин и русская Н. В. Васильева о языке былин беломорских). А между тем мы наперед предвидим всю плодотворность и чрезвычайную важность подобной работы для уяснения времени и места возникновения наших былин. Какие интересные перспективы могли бы открыться перед нашими глазами, это мы можем видеть хотя бы из того беглого замечания, какое недавно бросил в одной из своих работ ак<адемик> А. А. Шахматов по поводу языка былин. «Искусственный язык наших былин, — говорит он, — пестрящий болгаризмом, тесным образом связывает киевский эпос с не дошедшим до нас болгарским. Возможно, что вместе с материальной культурой Киевская Русь получила из Болгарии также и произведения народной словесности». Стихосложение былин, их ритм, связь этого с музыкальными напевами, связь напевов с содержанием — эти вопросы если и разрабатываются в науке (увы, и здесь смерть недавно лишила нас великого специалиста в этом деле Ф. Е. Корша, а из исследователей музыкальной стороны даровитого А. Л. Маслова), то далеко еще не пояснены*.

* * * * *

Вот те *ближайшие* задачи, которые мы выделяем из обширного круга проблем, выдвигаемых русским былевым эпосом. Мы считаем, как видно из сказанного, важным и необходимым прежде всего *прикрепить русский эпос к его родной почве* и из исторических и бытовых данных почерпнуть ответы на вопросы о времени, месте и среде, где возникли былины. (*Путь к этому не новый, намеченный учителями, но путь еще далеко не пройденный. Идти к этому нужно не путем априорных теорий, увлекательных, но не оправдываемых самим предметом метафизических построений, а указанным уже в науке плодотворным путем пристального изучения отдельных сторон былин под историко-бытовым углом зрения. Для этого должно быть довершено еще далеко не законченное собрание песенного и рукописного материала, а опублико-

* В машинописном тексте: «то далеки еще до своего разрешения» (л. 21).

ванный материал должен подвергнуться необходимой систематизации. Изучение реальных национальных основ наших былин должно идти через научный анализ имен и названий, всех сторон разнообразного внешнего и внутреннего быта, социальных отношений по былинам, отразившейся в них классовой психологии их создателей, поэтики былин, наконец — данных языка и стихосложения. Произвести эту работу можно только путем согласования научной работы, путем дружного сотрудничества историков словесности с представителями родственных научных дисциплин — истории, этнографии, бытовой археологии и языкознания.)

Итак, пока что наиболее плодотворным и необходимым остается, с нашей точки зрения, уже испытанный и много давший метод исторический. Конкретность задач, уяснение реальной национальной почвы и основы, согласованность исследователей, объединение научных сил и, так сказать, говоря нашим языком, выравнивание *единого научного фронта*, переход от широких, часто фантастических мечтаний и методов к деловой и определенной постановке вопросов — вот те принципы, какие, кажется нам, должны лечь в основу ближайшей работы по воссозданию того величественного, но уже разрушенного национального целого, какое представляет из себя русский былевой эпос <...>

Печатается по разрозненной, по сохранившейся полностью, рукописи автора, датированной 27 октября 1918 г. ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3229, л. 1—2; ед. х. 2994, л. 5—6; ед. х. 3229, л. 3—5 (последний со вставкой с л. 9), 6—8; ед. х. 2994, л. 1—4 об., 7 и 7 об. (со вставкой цитаты из машинописного текста — ед. х. 3229, л. 20) и л. 8.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Русские былины старой и новой записи». Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- ² «Былины новой и недавней записи из разных местностей России». Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.
- ³ *Лобода А. М.* Русский богатырский эпос (опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу). Киев, 1896, стр. 88. Курсив Б. М. Соколова.
- ⁴ Вероятно, имеется в виду песня «Ни ат ветру пыль на дороги подымалася...» («...Иван Васильевич... задумал он думу крепкаю...») из опубликованных А. А. Шахматовым «Образцов говора с. Леки Егорьевского уезда Рязанской губ.» (собрал И. С. Гришкин). — См. «Диалектологические материалы, собранные Тростянским В. И., Гришкиным И. С. и др. Приготовил к печати и снабдил примечаниями Шахматов А. А.». — «Сборник ОРЯС РАН», т. 95, № 1. Пг., 1916, с. 122—124.
- ⁵ Картографирование былин (по материалам конца XIX — начала XX в.) проведено в самое последнее время. См. *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М., «Наука», 1975.

- ⁶ См. издание, осуществленное в серии «Памятники русского фольклора»: «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили Астахова А. М., Митрофанова В. В., Скрипиль М. О.». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960.
- ⁷ Имеется в виду «Богатырское слово в списке начала XVII века, открытое Е. В. Барсовым» (Сб. ОРЯС, т. XXVIII. СПб., 1881, № 3).
- ⁸ См. *Соколов Б.* Былины старинной записи (семь неизданных текстов).— «Этнография». М., 1926, № 1—2, 1927, № 1 и 2.
- ⁹ См. *Лобода А. М.* Русский богатырский эпос (опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу); *Александровский Г. В.* Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу. Ревель, 1898 (отг. из журн. «Гимназия» за 1896 и 1897 гг.)
- ¹⁰ См. *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины, вып. III—XI. СПб., 1884, с. 401.
- ¹¹ См. *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений, т. I. СПб., 1913, с. 9.
- ¹² *Майков Л.* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, с. 22.
- ¹³ Оправданность оговорки Б. М. Соколова о том, что летопись может сама пользоваться устным источником», предстает особенно ясно в свете новейшего заключения по данному поводу: «Если историческая школа в области изучения эпоса видела в записях летописей о героях былин по преимуществу свидетельства о действительно существовавших лицах, то теперь по большей части в этих записях историки летописания усматривают отражение эпоса» (*Лихачев Д. С.* «Единичный исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах.— «Славяне и Русь». М., «Наука», 1968, с. 434).
- ¹⁴ Б. М. Соколов воспроизводит в данном случае толкование, которое вслед за А. И. Соболевским («Живая старина», 1890, вып. II, с. 105) развивал А. В. Марков («Этнографическое обозрение», 1906, кн. 67, с. 74 и сл.). См. также: *Соколов Б.* Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918, с. 110. В. Ф. Миллер высказывал сомнение в правомерности возведения имени Латыгорки к летописному этнониму латышей (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности, т. 2. М., 1910, с. 175). В позднейших работах Б. М. Соколов не апеллирует к подобному объяснению (см. *Соколов Б. М.* Русский фольклор, вып. I. М., 1929; *он же.* Былины.— «Литературная энциклопедия», т. II. М., 1930).
- ¹⁵ Имеется в виду известное утверждение В. Н. Татищева о том, что он «...прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал... тако ж о славных людях Илье Муромце, Алексие Поповиче, Соловье-разбойнике, Дюке Стефановиче и проч. ...» (см. «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков», с. 246).

⟨К исследованию поэтики народных песен⟩

⟨Февраль 1924⟩

Важность для установления объективных законов поэтического искусства научных наблюдений и изучений так называемого народного устного творчества не может подлежать сомнению. Одно время работа над изучением природы и психологии поэтического творчества прежде всего стремилась исходить из данных, даваемых народной словесностью, фольклором. В нашей

русской науке эта тенденция особенно ярко сказалась в работах таких ученых, как А. Н. Веселовский и А. А. Потебня, строивших свои научные заключения прежде всего под углом зрения генетизма, с стремлением последовательного применения принципа эволюции художественного слова и художественной стилистики.

В том небывалом в России подъеме интереса у историков литературы, словесников, поэтов и любителей словесности к теоретическим вопросам в еще во многом темной и сложной области словесного искусства, особенно в жарком стремлении к постижению законов и приемов его художественного оформления, свидетелями и участниками которого в той или иной мере мы все являемся, как-то странным и мало понятным представляется нам сравнительно слабое внимание к необъятной многовековой и, вместе с тем, до сих пор живой стихии устного художественного слова — к народной поэзии. Такое отношение к этому художественно-словесному материалу мне во многих отношениях представляется несправедливым и даже в интересах теоретической науки печальным.

Как ни говорят нам некоторые из современных формалистов, что изучение генезиса и эволюции художественной формы или стиля в широком его понимании мало само по себе может уяснить природу поэтического искусства и что для теоретических заключений достаточно изучать его в его статике, но не думаю, чтобы этот взгляд был бесспорен. Опыт других наук, естественно-исторических и гуманитарных, привил нам эволюционное мышление, и едва ли отход от этого пути может дать безусловную бесспорность заключений, сделанных над текучими явлениями, искусственно выхваченными из исторического движения и рассматриваемыми вне времени и пространства. Этим невольно вызывается некоторое умерщвление дышащего жизнью и динамичностью в своей сущности материала. Разделение функций теоретика поэтического искусства и его историка едва ли является целесообразным; только объединение обеих функций в одной работе может обеспечить исследовательскую работу в области науки о литературе от мертвой схоластики у одних и ложного подхода, уводящего в сторону от понимания литературы как искусства, — у других.

Также едва ли может быть оправдан тот резкий поход против психологизма в изучении художественной природы словесного искусства, который выявился у целой группы современных формалистов. Самый ход нашего молодого движения в области изучения поэтики уже показывает, что это резкое устранение «психо-

логизма», кот<орое> так заостренно сказалось в начале движения, теперь остывает, и мы все чаще и чаще встречаемся с работами, если не имеющими прямого психол<огического> уклона, то во всяком случае с ним считающимися. И думается: как не обойтись в конечном счете без применения генетического изучения фактов худ<ожественного> слова, так не обойтись без уяснений психологической природы творящего и воспринимающего это худ<ожественное> слово.

Но пусть даже и так — согласимся с представителями теоретической поэтики, чужающейся и генетизма и психологизма, — то и тогда изучение худож<ественной> формы устного поэт<ического> творчества не утрачивает прав на признание. Художественная значимость народной поэзии едва ли в XX веке нуждается в своем обосновании, как это делалось в эпоху романтизма начала XIX в. Уже одно то, что народ<ное> творчество было одним из важнейших факторов нашей письм<енной> и печатной литературы с древности до вчерашнего дня и нисколько не имеет тенденции сдавать свои позиции в наш новый сегодняшний день, а даже наоборот дает себя знать и чувствовать в творчестве представителей всех существующих сейчас поэт<ических> группировок — от символистов, футуристов, имажинистов вплоть до пролетарских поэтов, не говоря уже про огромную группу крестьянских поэтов, — лишний раз оправдывает настойчивую необходимость самого внимательного отношения к проблемам «формы» народ<ной> устной поэзии, установления, наконец, возможно научно точно обозначенных и индуктивно выведенных законов т<ак> н<азываемой> народной, устной поэзии, чтобы перестать характеризовать последнюю общими, часто неумелыми определениями, а выявить и сгруппировать ее существенные отличит<ельные> признаки, дающие возможн<ость> говорить о ней как особом роде многообразной худ<ожественной> литературы.

К сожалению, сделано в этом направлении еще очень мало. В отношении к русск<ой> народной словесности мы вряд ли сможем назвать десять работ, вплотную ставивших себе проблемы формы народ<ной> слов<есности>. Работы Веселовского, Потебни — из общих, из частных — Корша, Миклошича, несколько журн<альных> статей (Н. Л. Бродского, Я. А. Автономова), а затем спорадич<еские> замечания и наблюдения в работах Вс. Ф. Миллера и некоторых других исследователей, и то гл<авным> обр<азом> былевого эпоса — вот и все.

Впрочем, жалобы на скудость литературы по вопросам поэтики русск<ой> литературы — это общее место всех тех исследований, какие появляются в наши дни.

Изучение поэтики народ<ной> словесности ввиду ее громадного разнообразия должно вестись невольно еще по отдельным ее видам (эпос, сказка, лирич<еская> песня и т. д.). Наперед нужно сказать, что в различных видах и жанрах народ<ной> поэзии многие приемы окажутся общими, что и послужит основанием для будущего определения «народно-поэтического» рода слов<есного> искусства и народно-поэтич<еского> стиля в его целом, в его главнейших сверхжанровых особенностях. Но изучение приемов словесного искусства в пределах отдельного жанра дает возможность определения приемов, специфически принадлежащих этому жанру, или уяснения тех художест<венных> функций более широко применяемого приема, какое этот прием будет выполнять в пределах данного жанрового задания.

В настоящем докладе (и в ряде следующих) я хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями в области народной поэтики, прежде всего в области композиции лирической песни. Эти наблюдения являются отчасти плодом той коллективной работы, которая велась и ведется мною вместе с моими студентами в руководимых мною семинариях по народ<ной> лирике в Саратовском университете. В 1920—1921 гг. семинарий был посвящен специально вопросам песенной символики, а семинарий прошлого года (1922—1923) и текущего года — вопросам песенной композиции.

Работа ведется строго индуктивным методом. После ознакомления и критич<еского> разбора существующей литературы вопроса производится коллективный анализ ряда песен, здесь же в взаимном обмене мнений намечаются те или другие «приемы» народ<ной> поэзии, производится попытка их словесного обозначения. Затем этот выявленный композ<иционный> прием поверяется знакомством и соотв<етствующим> анализом других песен или вариантов, причем работа распределяется между участниками по отдельным печат<ным> сборникам нар<одных> песен (Соб<олевский>, Шейн, Киреевский, Ляпунов, Соколовы и др.). Затем в рефератной форме наблюдения отд<ельных> участников семинария становятся вновь предметом обсуждения.

Говорить сейчас о каких-нибудь окончательных выводах не приходится. Еще только разрыхляется почва. Слишком велик, часто необъятен материал, слишком еще сбивчивы и неустойчивы и принципы подхода и самый метод работ. Но хочется верить, что разработка народ<ного> поэт<ического> материала в разрезе изучения формы в конце концов может привести нас к некот<орым> положительным результатам.

Предлагая вашему вниманию ряд моих сообщений о композиции народ<ной> лирич<еской> песни, я имел в виду поделиться

не столько законченными выводами, сколько подвергнуть выдвигаемую мною задачу предварительному обсуждению с методологической стороны и совместно наметить те вехи, по которым должна бы пойти дальнейшая разработка и проработка поэтики народно-словесного искусства.

Обращаясь непосредственно к теме сегодняшнего доклада о композиции русск(кой) народ(ной) песни, я прежде всего должен отметить, что в этой области у нас в литературе, да и в нашем обычном представлении, придается особенно большое значение «психологическому параллелизму», которым был окрещен А. Н. Веселовским прием, в значит(ельной) мере выполняющий композиционную функцию народ(ной) песни.

Совершенно верно, очень многие темы в целом, но гл(авным) образом в своих частях, организуются на основе этого психологического параллелизма, в его различ(ных) формах (двухчл(енного), трехчленного, многочл(енного), одночл(енного), отрицательного, внутреннего или только внешнего, формального).

Но ближайший просмотр народ(ных) песен, в их тысячах записях, приводит нас, однако, к необходимости ограничительных суждений о доминировании этого приема над другими. Предварительное (пока еще беглое) изучение психологического параллелизма в русск(ой) народ(ной) песенной лирике уже показало, что песен, включающих в себя этот психологический параллелизм (я имею в виду прежде всего, как и Веселовский), параллелизм образов; т(ак) и(азываемый) синтаксический параллелизм — явление другого порядка), не так уж чересчур много — не более пятой части включают его в себя и в той или другой части формируются при его посредстве.

Какие же другие приемы организуют собой народ(ную) лирику?

Наблюдения позволяют, как будто, установить тот факт, что эти другие приемы, как и психологический параллелизм, принадлежат прежде всего к приемам того же «психологического», «смыслового», «тематического» порядка, как и психологический параллелизм. Главными организующими моментами в области народ(ной) лирики является прием *внутреннего сцепления образов*, их соединения по определенным (точнее говоря, долженствующим быть определенными и осознанными) стержням. А раз так — то придется признать, что в народной песне смысловой (тематической) композиции, покоящейся на сочетании образов, принадлежит первостепенная, а на мой взгляд, и первоначальная роль. Внешнее (т. е. ритмико-синтаксическое) построение песни является уже дополняющим, подтверждающим и укрепляющим (цементи-

рующим) фактором того построения, какое предначертано* приемами внутреннего сцепления образов, а след(овательно) и песни (или ее части). Я поэтому не могу применить к композиции нар(одной) песни того положения, какое В. М. Жирмунский** применяет к композиции лирических стихотворений: «Первоначальными факторами композиции в стихотворении мы считаем ритм и синтаксис» (стр. 3). И дальше: «Для определения языковых источников художественного построения поэтической речи особенный интерес представляет изучение ритмико-синтаксического построения» (стр. 7).

Пусть утверждение В. М. Жирмунского вполне уместно в применении к лирич(еским) стих(отворениям) (хотя я считаю, что и там тематической композиции должно быть отводимо не то третьестепенное место, какое она занимает в исследованиях <...>), но по отношению к нар(одной) песне считать, «что синтаксическое и тематическое построение словесного материала в поэзии происходит на фоне композиционного упорядочения ритмической структуры произведения» (слова В. М. Жирмунского, стр. 8), нельзя уже по одному тому, что в нар(одных) песнях (по крайней мере в большинстве их) отсутствует «главная композиционная единица в области метрики — строфа».

Итак — смысловая, точнее «образная» композиция по самой природе народ(ного) слов(есного) искусства прежде всего является организующим фактором народной песни¹. Но смысл выявляется в *слове-образе*. Наделение образа смыслом лежит в области психологии. Прием психологич(еского) параллелизма, установленный А. Н. Веселовским, наглядно подтверждает это рассуждение. И уже, хотя бы из одной последовательности, для правильного применения правила об едином принципе деления мы должны выяснить, какие существуют еще *другие приемы «сцепления и организации образов»* на той же психологической (смысловой) базе, на которой покоится и «психологический параллелизм».

Оставляя пока в стороне как наиболее известный и уже освещенный прием псих(ологического) параллелизма, в своих докладах я позволю себе остановиться на других приемах сочетания (сцепления, организации) образов, какие пока нам удалось наметить².

Таковы пока условно нами называемые приемы «деградации образов»³, «градация», количественное противопоставление,

* Зачеркнуто первоначальное слово: «предопределено».

** Жирмунский В. Композиция лирических стихотворений. Пг., 1921.

исключение единичного из множества, исключение и утверждение исключенного, соединение общего положения с его конкретизацией и др.

ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3055, л. 1—8 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мысль о смысловой роли композиции (и полемические суждения по этому поводу) содержится и в статье Б. М. Соколова «Экскурсы в область русского фольклора» («Художественный фольклор», вып. I. М., 1926, с. 38—39).
- ² См.: ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3252, л. 1—2 об. (Резюме Б. М. Соколова «Новые приемы композиции народной песни, отмеченные на семинарах по народной лирике в Саратовском университете»); ед. х. 3334, л. 99—104 об. (разработки участников семинара Т. М. Акимовой, В. А. Гусева, В. П. Воробьева).
- Работу Б. М. Соколова над «Экскурсами в область поэтики русского фольклора» отражают рукописи: ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3079, л. 1—50 (автограф статьи со страницами, не вошедшими в последний вариант), л. 51—65 (копия окончательной редакции), л. 68—70 об. (черновые материалы к статье).
- ³ «Деградацией образа» Б. М. Соколов первоначально именовал композиционное построение, определенное позднее как «постепенное или ступенчатое сужение образа» (Соколов Б. Экскурсы в область поэтики русского фольклора. — «Художественный фольклор», вып. I, с. 39 и сл.).

Разбор книги А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин. Очерки» (М.—Саратов, 1924). 4. XII 1924, ГАХН

Так мало теперь исследований в области эпоса. И вдруг большая книга. — Приветствую.* — Кто такой А. П. Скафтымов? — Ученик А. М. Евлахова и И. И. Замотина. Потом (учился у) Н. К. Пиксанова и у меня. Некоторые главы читались у меня в семинаре. Вообще интересуется больше проблемами психологии и теории творчества. Ставит грани историзму в истории литературы. Поэтому не должно удивлять его скептическое отношение к исторической школе в изучении былин.

Заглавие книги — широкое. Слово «очерки» вносит поправки. — Только частично затронуты проблемы.

Общий план книги. — Предисловие).

1) Пересмотр современных методов (исторических).

2) Изучение художественной природы былин и как его связать с изучением генезиса.

3) Библиографический обзор.

* Оценочные суждения и контраргументы выделены нами курсивом для их отграничения от изложения работы А. П. Скафтымова.

⟨Глава I⟩. Критика соврем⟨енного⟩ (истор⟨ического⟩) метода. Господство за посл⟨едние⟩ 25 л⟨ет⟩ ист⟨орической⟩ школы (с. 4). Перечень ученых и их осн⟨овных⟩ задач и главн⟨ых⟩ интересов. Вопрос о методе ист⟨орической⟩ шк⟨олы⟩. Перечень? (с. 7). Вс. Ф. Миллер: 1) установление арх⟨аического⟩ извода; 2) сопост⟨авление⟩ с ист⟨орическими⟩ и лит⟨ературными⟩ фактами (с. 8). Восстан⟨овление⟩ прототипа. Отсутствие объединяющего принципа исс⟨ледования⟩ (с. 9). Исслед⟨овательский⟩ произвол в ссылке на большинство или един⟨ичные⟩ варианты, т. к. статистика нема.

Нет твердой системы (с. 10).

Установление историч⟨еской⟩ основы. Прихотливость и противоречивость (с. 10). Имена — пристрастие у Вс. Ф. Миллера (с. 11—12).

Но так ли? — Ср. эволюцию Алеши Поповича.

Примеры — Дунай, Ставр, Апраксия, Ив⟨ан⟩ Данил⟨ович⟩, Василий Казимирович, Василий Пьяница.

Историч⟨еско⟩-быт⟨овые⟩ черты. «Только данному краю» (с. 15). Микула — Новгор⟨одец⟩ (но поддержка В. Ф. Ржиги). Чурило — XV в. (но поддержка В. Ф. Ржиги).

Сходство сюжетов и событий истории.

Камское побоище. «Былина «Кам⟨ское⟩ поб⟨оище⟩» является типичной обработкой вообще для всякого рода былинных баталлий» (с. 17—18).— *Разве это возражение? Сквозь комп⟨озиционную⟩ схему (шаблон) может звучать история.*

«Добрыня змееборец» (с. 18—19). *Слишком категорич⟨но⟩ утверждение Скафт⟨ымова⟩, что былина своим сюжетом не дала ничего для сближения с ист⟨орическими⟩ фактами. А ист⟨орические⟩ имена, быт⟨овые⟩ подробн⟨ости⟩, купание.— Символика.* — Ср. также с. 24: «Нужно было только увидеть в нем церк⟨овно⟩-символический смысл. Да, да! Именно только — а это и есть великая научная интуиция, доказ⟨ательство⟩ фактами — здесь научное творчество! Подтверждение — Егорий Храбрый <...>

Предположение о промежут⟨очности⟩ или первонач⟨альности⟩ преданий. «Здесь область чистых догадок». *А в лингвистике?*

Критика метода Вс. Ф. Миллера? (с. 21). *Ее односторонность. Гиперкритицизм А. П. Скафт⟨ымова⟩.* Его возможная ⟨прзб.⟩. Вместе с тем Вс. Ф. Миллер — «строгий и выдерж⟨анный⟩ исследователь» (с. 21). Характерная фраза — «недостатки методов» Миллера «характеризуют не столько его самого, сколько самую былину» (с. 22).

Последов⟨атель⟩ Вс. Ф. Миллера — А. В. Марков. Былина о кн⟨язе⟩ Романе (с. 22—24). Добрыня (с. 24—29). Общая оценка

Маркова (стр. 29). (Но забывает его исслед(ования) о бытов(ых) чертах в былинах, былинку о Глебе Володьевиче.) А. В. Рыстенко. С. К. Шамбинаго: <в былине —> Ив(ан) Гроз(ный). Но забывает другие работы С(ергея) К(онстантиновича). Б. М. Соколов. «Сорок калик». В других случаях «убедит(ельный) и осторож(ный)» (с. 31). Почему именно эту работу? Недостат(очно) объективен. Почему Касьян Авнежский, а не другие? Почему Дим(итрий) Прилуц(кий), а не другие? Именно единство места и времени.

Общая характеристика истор(ической) школы (с. 33). Метод согласования. — Скептицизм и эмпиризм? Так ли нужно понимать согласование, как Скафт(ымов) (с. 35)? Раскритиковав исследователей, Скафт(ымов) указывает, что причина не только в них, но и в самой природе былин.

Характеристика исслед(ований) (с. 36). Текучесть былин (с. 36), вилоизм(еняемость), переин(ачивание) (с. 38). Но все-таки многое на совести исслед(ователей) (с. 39).

Но «нельзя злоупотреблять скептицизмом» (с. 39). А вместе с тем, это у Скафт(ымова) есть. В чем по нему спасение? В эстетической интерпретации (с. 40): эстетическая природа должна быть положена в основу исследований. «Никакой попытки для этого не было сделано» (с. 43). Так ли?

Общие выводы о критике Скафт(ымовым) ист(орической) школы.

1) Законность пересмотра.

2) Острота наблюд(ений) и прекр(асный) образ(ный) язык.

3) Но гиперкритицизм.

4) В основу критики историч(еской) школы взяты наиболее слабые и спорные работы, хотя сам Скафт(ымов) указывает на (работы, вызывающие) положит(ельную) оценку (с. 39): Миллера некот(орые) (какие?), Шамбинаго о Вольге, Соколова — об (Илье и) Идол(ище) поганом и др. Надо было их разб(ирать), а не укл(оны); уклоны лучше на стороне положит(ельных) работ.

5) Кладя в основу худож(ественную) сторону былин, он тем менее вправе требовать такой идентичности истории и поэзии, а потому историч(еский) субстрат былин не должен казаться так(им) отдаленным.

В чем же выразилось у Скафт(ымова) изучение художественной стороны былин, их поэтики? — Он занят рассмотрением одного вопроса, именно архитектоники — композ(иции), и то только одной группы былин (им(енно) былины о богат(ырских) подвигах).

Глава II. «Архитектоническое соотношение внутреннего состава былин о богат(ырских) подвигах».

Можно ли говорить о цельности былин, раз они текучи? (с. 46).

Ответ — можно установить «внутр(енние) организующие стержни былин» (с. 46). Такой основной импульс есть в каждом отд(ельном) варианте (с. 47). Идти нужно из осозн(ания) художеств(енной) структуры каждого единичного варианта, а потом обобщать (с. 47). Основная направленность быliny о С(оловье) Р(азбойнике) и Илье М(уромце) по всем вариантам (с. 48).

Но в изложении всех наблюдений Скафт(ымов) идет дедукт(ивным) путем, ст(о) общего к частному (с. 48). Здесь опасность схематизации, в кст(орой) Скафт(ымов) упрекал других.

Какие же наиболее существ(енные) элементы архитектуры богатыр(ских) былин выдвигает Скафт(ымов)?

Эффект неожиданности (удивления), с. 50; подготовка к ней. Начало быliny.

а) Предварительная недооценка героя: 1) молодость, 2) мотив предварит(ельного) опорочения (с. 52).

б) Решительное преобладание врага (с. 53) и его угрозы (с. 54—55).

в) Всевозможные грозные предвестия и предупреждения служат той же подготовке неожиданности (с. 58).

Бой — описание самого подвига — след(ующее) звено композиции (с. 59). «В описании боя нет элемента борьбы»??? (с. 59), «нет картины боя, нет движения» (с. 59)!!? *Ну, а как же бой с переменным (?) оружием? Или бой И(лья) М(уромца) с Сокольниковом, с переменным успехом? «Упорства борьбы нет — есть только механическое истребление» (с. 60).*

Конец быliny — общая радость и благодарность герою (стр. 61). Бессилие врага. Контраст.

Общая характеристика основной эстетической направленности богат(ырских) былин (с. 63). *Слишком общо.*

Затем Скафт(ымов) переходит к проверке «этой композиционной тенденции» в отдельных вариантах. Какие отступления наиболее характерные? «Как осуществляет себя фактор эстетичес(кого) приспособления при контаминации?» (с. 63).

Скафт(ымов) рассматривает следующие сюжеты: 1) «Илья М(уромец) и Солов(ей) Р(азбойник)»; 2) «И(лья) М(уромец) и Идол(ище)»; 3) «Ал(еша) П(опович) и Тугарин»; 4) «Добр(ыня) и змей»; 5) «Кострюк». Остановлюсь для краткости лишь на двух — «Илья и Ид(олище)» и «Кост(рюк)».

«Илья и Ид(олище)» (по книге — с. 74—80). *К?*

Ну что же? Ведь выпади указ(анные) звенья архитектуры — утратился бы самый сюжет. Разве указ(анные) существ(енные) звенья не считались и предыд(ущими) исследователями существенными моментами сюжетной схемы?

Я бы возразил мнению о неважности названий. Здесь тоже большая устойчивость — имя Калики.

«Кострюк» (с. 86—88). Так ли? Кто герой? Почему былина называется «О Кострюке»? Почему его имя почти неизменно? Неужели это обусловила эстетическая сущность былины? Разве это так, что герой (Потаня) «в былине — единственный объект самостоятельного и самодовлеющего интереса и любования» (с. 88)? У Скаф(тимова) мы видим стремление подогнать все под его дедуктивную схему.

Дополнительные замечания о других явлениях поэтики.

«Архитектоническая» устремленность обнаруживается и на свойствах речевого потока былинного повествования» (с. 88);

«Решительное преобладание динамики над элементами статики» (с. 88, но ср. с. 59):

1) Речевой поток (с. 89);

2) «Сгущение движений и состояний» — динамика на рубеже со статикой (с. 89);

3) Отсутствие описательного момента в богат(ырских) былинах (с. 90);

4) Случай замедления темпа — для любования (с. 90);

5) «Отменно-идеальные черты богат(ырского) убранства» (с. 90);

6) «наружностью действующих лиц богат(ырская) былина вообще не интересуется» (с. 91).? А Потаня?

7) Диалог (с. 91) обозначает «наибольшее обострение творческой заинтересованности» (?). Диалог распростирается на определенные места сюжета (с. 91—92). А как же иначе? Это во всяком художественном произведении (конечно, диалог не содержится в описании).

8) «Былина не знает непосредственного авторского субъективизма» (с. 92). Но ведь на то это эпос.

9) «Идеологическая» атмосфера просачивается в былинку лишь на положении аксессуарных деталей» (с. 93). «Иногда противопоставление между героем и противником утилизируется целями национальной гордости» (с. 94). «Былине не чужды классовые тенденции» (с. 94).

Но всюду «примат» — «композиционный»? (Можно ли говорить о примате композиции?)

Выводы (с. 95). Как-то мало. Общо. Это относится к каждому художественному произведению, а не сущность только былины. А раз общо — то в чем же сущность сюжета? Почему же разные сюжеты? Чем же занимается сюжет? Значит, эстетический здесь примат не в этой слишком общей архитектурной схеме,

не в эффектах неожиданности и удивления, а как раз во всем том, что Скафт(ымов) не считает существ(енным): во всех подроб(ностях), деталях, бытовых и стилистич(еских).

Третья глава (с. 99).

Сочетание истории и поэтики. Отбой по сравн(ению) с первой статьёй. Отстранять генет(ические) данные нельзя (с. 99). Сначала уловление внутр(енней) логики былин, а затем документ(альных) генетических данных (с. 100).

Схема не сюжет! Что же сюжет? «Свой особый костяк» (с. 100)!!

Предположение историч(еского) ядра песни! (с. 100). Значит, восстановление историч(еской) школы. Неверно мнение Скафт(ымова), что в переработках нет реалист(ических) интересов, фактич(еская) сторона ей «безразлична» (с. 101). Примеры. «Кострюк». Истор(ические) имена, события. Почему безразлична историч(еская) личность Кострюка?

Значит, подробности части вариантов имеют значение для постижения генезиса былин (с. 103).

Полное восстан(овление) историч(еской) школы.

«Идолище». Опять согласен с ист(орической) школой.

О концепции персонажей (с. 109). Был(инный) Владимир (различ(ные) историч(еские) лица, в нем отразившиеся). Замеч(ания) Скафт(ымова) на с. 113. Но ведь сюжет слагается на исторической основе, а потому и «князь» носит отпечаток исторического момента и соврем(енных) песне князей! Тут только подтвержд(ение) историч(еской) школы.

К с. 114 — но ведь и здесь нужна историч(еская) база (с. 115).

Бытовые аксессуары (с. 118). Дорога И(льи) М(уромца) и С(оловья) Р(азбойника) (с. 119).

Итоги (с. 120). Важные указ(ания) на эстет(ический) момент (с. 121), но и тут историч(еская) осно(ва) (с. 124).

Выводы о книге.

Хорошо подчеркнута мысль, что былина не равна докум(енту). Надо помнить об ее худ(ожественном) задании. Но разве это не принимает истор(ическая) школа? Вообще, кончая третью главу, Скафт(ымов) вновь восстанавлива(ет) историч(ескую) школу, вновь принцип (нрзб.) изучения.

Книга интересна. Прекрасно напис(ана). Но заглавие не соответс(вует) содерж(анию). Первая глава в противоречии с третьей. Нужно было взять наиболее убедит(ельные) статьи, а не характериз(овать) ист(орическую) школу лишь по слабым. Поэтика рассмотрена лишь частично и слишком схематично.

ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. х. 3044, л. 20—25.

ПРИМЕЧАНИЕ

На полях своего доклада Б. М. Соколов зафиксировал отдельные высказывания других участников обсуждения книги А. П. Скафтымова.

Судя по этим заметкам, очень резко и несправедливо отозвался о «Поэтике и генезисе былин» С. К. Шамбинаго. Конкретные его возражения: отнести критикуемых Скафтымовым авторов «всех к одной группе нельзя»; у Скафтымова «дедуктивный» подход, он дает «деревянный скелет» былин (л. 20).

Б. И. Ярхо счел уязвимым метод А. П. Скафтымова: «Ядро книжки — телеологическое объяснение. Но телеологичность — условность (Кострюк как центральный) герой, а не Потаня, Идолище, а не Илья».

Б. Ф. Ржига признал полезным критический анализ существующих подходов к былинам: «Здесь много отрицательных черт. Но есть и польза для исследователей... Приемы Скафтымова отрицательные. Но нужно искать более прочных методов, и такое недовольство методами ученых, проявленное Скафтымовым, закононо» (л. 20 об.).

В том же смысле высказывалась В. А. Дынник, связывая «тенденцию к пересмотру методологии» с необходимостью «отойти от гипотетичности на точку зрения объективности, против индукции». В обращении к «внутренней структуре» В. А. Дынник, по-видимому, уловила позитивную суть книги: выясняется «что-то ... выходящее из сферы эмпирики» (л. 21).

Еще одно добавление в рукописи отражает, вероятно, заключительное слово Б. М. Соколова. Здесь, в частности, формулируется принцип, который, как уже говорилось, станет поисковым в работах второй половины двадцатых годов — при всей уязвимости его тогдашнего понимания и осуществления: «Социально-экономический анализ подправляет и уточняет историческое сопоставление... Обратное — историко-социальный анализ подкрепляется исторической стороной».

Далее вновь повторено мнение о «крайнем скептицизме» А. П. Скафтымова «в историческом толковании былин». Вместе с тем Б. М. Соколов отмечает, что «очень важно утверждение Скафтымова о множественности и разнообразии сюжетов». Можно предположить, что это было сказано в связи с задачами *дифференцированного* изучения поэтики былин.

Обзор и оценку последующих печатных откликов на труд А. П. Скафтымова см.: *Аникин В. П.* Указ. соч., с. 113—115.